

с31 232/—

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ УССР
КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени А. М. ГОРЬКОГО

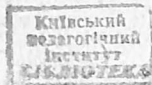
И. В. СЕНЧУК

ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. ДЕСНЯКА

(СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕКСИКИ
И ФРАЗЕОЛОГИИ)

Автореферат диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель — кандидат филологических наук
Г. П. И ж а к е в и ч.

НБ НПУ

імені М.П. Драгоманова

100313816

Киев — 1962

76

В развитии и обогащении литературного языка народа, в отборе и обработке его стилистических и лексических средств важная роль, как известно, принадлежит писателям—мастерам художественного слова, которые ведут постоянную борьбу за его усовершенствование и чистоту, делают его надёжным оружием в деле служения интересам народа, родной партии и государства.

Заметное место в этом величественном процессе, в частности в борьбе «за вироблення мови української художньої прози»¹, занимает писатель-реалист Алексей Десняк. Жизненный путь А. Десняка продолжался всего лишь 33 года, но и за это сравнительно короткое время он сумел написать пять больших произведений и значительное количество (более ста) рассказов и очерков, которые вошли в основной фонд советской украинской литературы. Благодаря романам «Десну перейшли батальйони», «Удай-ріка», «Тургайський сокіл», повести «Полк Тимофія Черняка», фронтовым очеркам Десняк по праву занял одно из первых мест среди советских писателей.

Особо в этой связи следует подчеркнуть тот факт, что А. Десняк прекрасно владел русским литературным языком, любил его и очень часто пользовался им для создания своих произведений. Это касается главным образом последнего периода его творчества — периода Великой Отечественной войны, когда он пишет на русском языке целый ряд замечательных художественных и публицистических произведений («Мать», «Звери», «Тогда вернусь», «Сын красноармейца», «Братья», «Разведчики», «Знамя» и другие).

В произведениях А. Десняка, от которых веет «человечностью и прекрасной душевной чистотой»², нашли своё отражение героика гражданской войны, творческий труд советского народа в период строительства социализма, дружба народов СССР, а также их героизм и мужество в борьбе против немецко-фашистских

¹ І. К. Білодід, Питання розвитку мови української радянської художньої прози, К., 1955, стор. 23.

² М. Стельмах, Слово о писателе-воине, «Правда Украины» от 13/X 1955 г.

захватчиков. В них,— замечает М. Стельмах,— «мы не найдём изысканных образов, утончённых сравнений, красотей слова. Не эффективность, а правдивость, не внешний блеск, а проникновение в глубину, не хитромудрые сюжетные сплетения, а волнующая логика событий — этим характерно творчество писателя. Его поэзия прорастала из жизни, как зерно прорастает из земли»¹.

Всё это говорит о том, что объективными условиями, которые определили творческий путь писателя и способствовали формированию его мировоззрения и языкового стиля, была прежде всего живая советская действительность, ставшая постоянным стимулом его интенсивного творчества и определившая приёмы, художественно-образительные средства, а также место и роль писателя в развитии украинской литературы и литературного языка.

Языку, в частности художественному слову, А. Десняк придавал очень большое значение. Отлично владея секретом и мудростью простого слова, он всегда ставил его на уровень с оружием, способным поднимать человека на неслыханные подвиги.

Чуткий художник, А. Десняк ни на минуту не оставался в стороне от тех событий, которые происходили в жизни нашего народа. Он неустанно работает над усовершенствованием своих произведений, улучшает их словесно-художественные средства, заботится о том, чтобы язык его произведений отвечал требованиям современности. Живой народный язык — вот источник, откуда писатель постоянно черпал силу выразительности и образности.

История разработки вопроса о творчестве А. Десняка не отличается большой широтой. В ряде статей и рецензий (Л. Подгайного, К. Саласина, Я. Солодченко, Я. Гримайло, М. Тардова, И. Луценко и др.), посвящённых творчеству писателя, главным образом освещались вопросы литературоведческого характера. Что же касается языка произведений писателя, то авторы этих работ ограничивались лишь общими фразами о его «бедности» или «богатстве». Об основательном лингвистическом анализе языкового материала в них и не упоминалось: К сожалению, это касается и диссертационных работ А. А. Белана и И. А. Луценко, посвящённых творчеству А. Десняка, где языковый материал используется лишь как вспомогательный элемент. Общие же замечания о языке произведений писателя типа «соковита», «бар-

¹ М. Стельмах, Слово о писателе-воине, «Правда Украины» от 13/Х 1955 г.

виста», «свіжа» и пр. не ликвидируют пробела в освещении данного вопроса.

Как видно из сказанного, на Украине до сих пор не было ещё ни одного исследования, посвящённого анализу лингвистико-стилистических особенностей произведений А. Десняка. Именно этот факт и обусловил выбор настоящей темы диссертации, которая в области исследования лексико-фразеологических средств языка писателя является лишь первой попыткой.

Задачей данной работы является не только изучение особенностей лексического и фразеологического состава языка произведений писателя, но и установление приёмов стилистического использования данного материала, а также и того, как писатель, пользуясь общенародным языком, сумел реалистически, правдиво изобразить действительность, какие элементы общенародного языка им использованы и в какой мере, что является характерным для лексики и фразеологии данного периода.

Объектом исследования диссертации являются произведения А. Десняка, написанные им на украинском языке. С целью проведения соответствующего сопоставления в работе исследованы тексты ряда произведений украинских и русских писателей-классиков и советских авторов (Т. Шевченко, Леся Украинка, Н. Чернышевский, Н. Гоголь, М. Коцюбинский, Л. Толстой, М. Рылский, А. Корнейчук, М. Шолохов, С. Скляренко, Н. Рыбак и др.). С этой же целью использованы и некоторые словари, сборники народных песен, дум, фразеологические сборники и пр. Рукописи произведений писателя погибли во время Великой Отечественной войны.

Диссертационная работа состоит из введения, двух глав и заключения. В конце работы приложены: список литературы, перечень использованных художественных произведений и словарей. Первая глава работы — «Лексика и её стилистическая роль в произведениях А. Десняка» — в свою очередь делится на семь соответствующих разделов, а именно: 1) Общеупотребительная лексика; 2) Общественно-политическая лексика; 3) Производственно-терминологическая лексика; 4) Бытовая лексика; 5) Диалектная лексика; 6) Эмоциональная лексика; 7) Глагольная синонимика.

Вторая глава работы — «Роль фразеологизмов в анализируемых произведениях А. Десняка» — посвящена анализу фразеологического материала произведений писателя.

В первом разделе первой главы отмечается, что доминирующее место в произведениях А. Десняка занимают слова общеупотребительной лексики, являющиеся общим фоном их языка.

на котором ярче выступают стилистические особенности слов других лексических категорий. Лексику такого рода писатель широко употребляет при описании разных сторон общественной деятельности и быта персонажей. Однако наиболее полно она выступает в описаниях художественных портретов и пейзажных картин, где, как нам кажется, довольно ярко проявилось художественное мастерство писателя. Создавая портрет того или иного героя, писатель постепенно знакомит читателя с отдельными, наиболее характерными деталями его внешности. Иногда для этого он обращается к приёму создания портрета через восприятие другого персонажа, что придаёт описаниям большую выразительность и правдивость.

Такой установке писателя отвечают полностью слова и словосочетания, используемые им при изображении портретов. Добросовестно отобранные им из общепотребительной лексики и соответствующим образом соединённые между собой, они создают такой контекст, в котором слова «приобретают» разнообразные дополнительные смысловые оттенки, воспринимаются в сложной и широкой перспективе целого»¹.

—Особенно удачно подбирает А. Десняк необходимые слова для изображения такой портретной детали, как глаза, которые в одних случаях, в частности в портретных характеристиках положительных героев, могут быть «чорні глибокі», «допитливі», «добрі», «лагідні», «голубі», «розумні», «променисті» и т. п., в другом же (когда речь идёт об отрицательных персонажах) — писатель наделяет их такими словами-атрибутами, которые не только подчёркивают безжизненность и обречённость представителей старого, но и указывают на отрицательное отношение автора к изображаемому: «люті», «зеленкуваті», «вицвілі», «холодні», «водянністі», «білясті», «вирячкуваті», «безбарвно-дурнуваті», «скляні», «безживні» и т. п.

Ср. ещё такую портретную деталь, как руки, которые в портретных зарисовках представителей из народа описываются при помощи оценочных слов, подчёркивающих их положительные качества — «дужі», «могутні», «натруджені», «мозолясті», «худі, чорні від праці» и т. п. В портретных же характеристиках представителей вражеского лагеря писатель на первое место ставит те слова-атрибуты, которые наиболее ярко выражают отрицательное отношение к ним: «короткі товсті», «холодні, цупкі», «холодні, слизькі», «білі й випещені», «куці», «виплекані» и т. п.

¹ В. В. Виноградов, Язык художественного произведения. «Вопросы языкознания», М., 1954, № 5, стр. 18.

В таком же плане писатель рисует и другие портретные детали, соответствующее соединение которых даёт полное представление не только о внешности персонажа, отдельных чертах его характера, но и об образе в целом.

Не менее ярко мастерство писателя проявилось и при создании им картин природы, так многочисленно представленных в его произведениях. Созданные при помощи соответствующих средств общеупотребительной лексики, они в значительной мере способствуют раскрытию идеи произведений, усиливают выразительность отдельных сюжетных моментов, являясь как бы эмоциональным фоном изображаемого. Важное место при этом А. Десняк отводит общеупотребительным глаголам движения и направления действия, что придаёт таким картинам динамичность и способствует наделению явлений природы чертами и качествами, свойственными для живых людей.

Довольно интересным в пейзажных картинах произведений А. Десняка является образ солнца, для изображения которого он подбирает глаголы, употреблённые в переносном значении, известном не только в литературном, но и в живом разговорном языке украинского народа, например, при восходе: солнце «виплянуло», «викотилось», «блиснуло», «підбилося»; на протяжении дня — «спало тепло» і «ласково усміхалось», «сміялося», «вигравало», «пливало», «блукало», «висіло», «заглядало»; при закате — «звернуло на захід», «прощалося з землею», «поснішало на відпочинок», «важко сідало», «тікало з горизонту», «впало за ліс», «упало в сніг хмар».

Большим количеством глаголов общеупотребительного характера оперирует писатель при описании ветра. При этом он снова обращает главное внимание на глаголы, обозначающие движение и направление действия, в результате чего такие пейзажные картины становятся как бы движущимися, активными: «вітер завітав погуляти», «вітри гуляють», «гасають», «рвуть», «вітер сипав», «плюгував», «стогнав», «дихав весною», «скиглив», «стугонів», «завивав у димарях», «висвистував» и др.

Важное место в пейзажных зарисовках писателя занимают эпитеты и простые определения, удачное употребление которых не только способствует лучшему восприятию явлений природы, но и помогает автору передать в изображении природы наиболее существенное, типичное, делает такие картины глубоко эмоциональными и созвучными с настроениями и переживаниями героев. Довольно характерными в этом плане являются, например, те эпитеты и определения, которые нередко употребляются в метафорическом изображении событий социального характера:

«Боровничі спали. Жодного звуку не чути. Але від цієї загадкової тиші моторошно стало снові і батькові (Писарчукам — II, С.). А чи не полетить ї їхня клуня в небо?» (I, 53); «Тепер на Десні тривожна тиша» (I, 192); «Ця насторожена тиша впливає на нерви. Люди ходять у постійному напруженні, все чекають чогось» (II, 76); «На майдані залягла напружена тиша» (II, 240).

Редки случаи, когда писатель к одному предмету или явлению подбирает три и более соответствующих определения-эпитета: «За ними лежав степ — великий, несходимий, чарівний, лагідний у нічній тиші» (II, 190); «Потім знову стає тихо — степ лежить спокійний і урочистий, несходимий і могутній» (II, 31).

Такое нагромождение эпитетов-определений выдвигает на первый план несколько воспринимаемых признаков предмета, характеризует его и уточняет.

Несколько реже употребляет А. Десняк сравнения. Чаще всего они встречаются при описании им тургайских степей и родной Черниговщины, что в значительной мере повышает эмоциональную силу и образность пейзажных картин: «Перед очима голій степ, безкрайї, мов Арал» (II, 9); «Деся одразу взявся каратургай, звився в небо і по-весняному защебетав, пссипав пісню. мов зерно на землю» (II, 283); «Сонце було якесь блякле, ніби покриті запною туману» (II, 207).

Во втором разделе первой главы указывается, что ведущее место среди лексики специфического употребления в произведениях А. Десняка принадлежит общественно-политической категории, которая в определённом сочетании со словами других лексических пластов выступает основным средством в создании писателем картин величия социалистического строительства, образов новых людей, в почете их патриотизма и героизма на фронтах войны и мирного труда, а также преданности и любви нашего народа к Коммунистической партии и её вождю — Великому Ленину. Поскольку основной силой, играющей решающую роль в борьбе за социальное и национальное освобождение, есть народ, то в произведениях с дореволюционной тематикой писатель закономерно ставит на первое место общеупотребительное слово «народ», которое в сочетании с соответствующими определениями чётко передаёт стремление порабощённого народа к свободе и борьбе за лучшее будущее: «Доки,— запитує дід Кирей,— буде знущатись Соболевський над народом?» (I, 16); «Настраждався народ» (I, 42); «По всіх містах України повстали робітники, по всіх селах піднялися селяни. весь трудовий народ!» (I, 92).

Ср. ещё собирательное существительное «люди», которое А. Десяняк эпизодически использует в качестве синонима к слову «народ»: «Люди підводяться на ноги, сокири точить» (I, 51); «Надійшов час і люди... задовольнив свою спрагу» (I, 71).

Для обозначения представителей простого народа писатель употребляет также слова типа «мужики», «біднота», «злидарі» и др., которые в зависимости от контекста могут выступать в них как с положительной, так и с отрицательной окраской. В авторской речи, например, или в языке некоторых положительных героев эти лексемы, выступая в качестве исторических терминов, теряют оттенок пренебрежения и приобретают окраску сочувствия и уважения: «Вона (партия — И. С.) за робочий люд і за нас, бідноту селянську» (Надводнюк, I, 11); «Кожний на своєму кутку... гуртує бідноту» (Надводнюк, I, 51).

В языке же представителей эксплуататорских классов эти слова, как правило, имеют отрицательный оттенок: «У Сядрині біднота забрала хліб поміщицький та її до хазяїнського руки простягає... В інших селах злидарі готуються сіяти на панській землі» (Писарчук, I, 59); «Мужики своїми постоломи втоптують у землю честь і ім'я кращих людей країни» (Рихлов, I, 61). Ср. также употребление в аналогичном плане слов типа «бидло» и «хам».

В связи с изображением борьбы украинского народа за своё социальное и национальное освобождение значительное употребление в произведениях А. Десяняка имеют слова «воля» и «правда». То же самое можно сказать и о слове «партия», являющемся воплощением правды и свободы, о которой веками мечтал угнетённый украинский народ. Поэтому в устах народа оно закономерно приобретает революционно-патетическое звучание: «Вони (більшовики — И. С.) скрізь є, Мар'яно. Це така партія. Вона бореться з панами, щоб усім нам добре жилося» (Клесун, I, 65); «За більшовицькою партією ідуть робітники, фронтовики, селяни, бо більшовицька програма — їх програма» (Воробійов, I, 47).

Отношение народных масс к Коммунистической партии писатель удачно передаёт сочетанием притяжательных местоимений «наша» и «моя» со словом «партия»: «Там панів нема. Це наша партія!» (Надводнюк, I, 77); «Коли ти, Надводнюк, все це збагнеш своїм розумом і розберешся, що до чого, приходь до моєї партії...» (Воробійов, I, 45).

С изображением революционных событий на Украине связано употребление и слова «рада», которое своё новое звучание приобрело лишь в период советской власти; хотя известным оно

было в украинском языке и в дореволюционный период: «Робочий люд і солдати слухають більшовиків у Радах» (I, 32).

В других контекстах в сочетании с определением «центральной» это слово может приобретать значение, классово противоположное предыдущему: «У нас свої закони, своя влада. Хай нами порядкує наша українська Центральна рада, а не якісь більшовики з Росії» (Варивода. I, 77).

Ср. ещё слово «влада» или его просторечную форму «власть», которые тоже могли употребляться с классовых позиций, что нашло яркое отражение и в произведениях А. Десняка: «У Петрограді тепер радянська влада... Більшовики владу захопили» (Надводнюк, I, 76); «Я так скажу: є в нас богом і народом поставлена **власть**, то треба її слухать, бо вона **власть!**» (Писарчук, I, 56).

Новым звучанием наполнилось в наши дни слово «Батьківщина», которое очень часто встречается в языковой ткани произведений А. Десняка. В наши дни «Родина» — это не просто место рождения человека. Это прежде всего — страна, где навсегда уничтожено гнёт и несправие, это страна, где расцветает свободная жизнь свободных людей. Именно поэтому наши люди с такой гордостью и любовью произносят это священное слово: «Думається, яка ж ти велика і простора, моя Батьківщино! Якусь Бельгію можна пересікти поїздом за 2—3 години, Данію — і того менше. Щоб проїхати Радянський Союз, потрібні місяці. Ось де велич і сила! І душу проймає гордість за нашу соціалістичну Вітчизну!» (II, 482).

Ср. также словосочетания типа «рідна земля», «наша земля», «наша мати» и аллегорическое выражение «радянський сад», употребляемые писателем для передачи понятия «Батьківщина».

При создании образа великого Ленина писатель часто употребляет слово «вождь». Иногда для этого он подбирает ряд соответствующих эпитетов, чем подчёркивает любовь и уважение к своему Вождю: «**Вождь**, у сірому френчі, з орденом Бойового Червоного Прапора на грудях, величний і простий, рідний, зберігши на обличчі суворість буремних років революції і громадянської війни, лежав на червоній китайці» (II, 378).

С особой нежностью и теплом звучит в устах народных масс слово «Ілліч», сопровождаемое определением-местоимением «наш». Прекрасно это чувство народа писатель передал в языке простой колхозницы Марии Кравченко, которая, обращаясь к малому сыну, среди тишины мавзолея произнесла: «Дивись, Федько, це — наш Ілліч! Ленін! Приїдемо в село, виростеш, усім будеш говорити, що ти бачив його!..» (II, 378).

Умело подбирает А. Десняк слова и словосочетания, необходимые для изображения вражеского лагеря и его сообщников. Так, например, при изображении фашистских завоевателей он использует целый ряд эмоционально окрашенных синонимов и метафорических сочетаний, что даёт возможность писателю ярче передать отрицательное отношение народа к своим поработителям, напр.: «фашистські пси», «супчики із свастикою», «гітлерівська гадина», «окупанти», «завойовники», «інквізитори», «чужа нога», «чужа чорна навала», «чужі пришельці» и др.

Некоторым количеством стилистических синонимов и метафорических сочетаний оперирует писатель и при создании обобщённого образа контрреволюционных остатков и шпионов, напр.: «контра», «чужак», «шкідник», «погань», «шашіль», «лиха рука» и т. п.

В конце раздела даются краткие выводы, в которых отмечается, что писатель творчески использует общественно-политическую лексику, берёт из неё элементы, отвечающие его идейно-стилистической установке и атмосфере изображаемого периода.

Третий раздел первой главы посвящён анализу производственно-терминологической лексики произведений А. Десняка, используемой им для изображения разных производственных процессов и людей, участвующих в них. При этом подчёркивается, что писатель не перенасыщает своих произведений специальной лексикой, как это наблюдается, например, в романе Ю. Шовкопляса «Инженери», а использует её пропорционально, с чувством меры, и поэтому она здесь художественно оправдана и воспринимается читателем как необходимый компонент языковых средств писателя. Ср.:

У А. Десняка: «Дмитро... прочинив двері в машинний відділ. Тут було двоє. Молодий хлопць порався біля топки, а літній чоловік мавив машину» («Десну перейшли батальйони», I, 40).

У Ю. Шовкопляса: «...Через півгодини ви матимете перший аналіз. І коло кожного діючого корнюра буде чергувати лаборантка. Вони братимуть проби... не тільки з корнюрів та збірників: спробуємо дослідити, що робиться в кожному конденсаторі» (82) ¹.

Заметное количество в составе производственной лексики писателя представляют собой слова и словосочетания, характеризующие различные стороны трудовой деятельности дореволюционного крестьянства. Чаще всего такая лексика наблюдается в его романе «Десну перейшли батальйони». Главным образом

¹ Юрій Шовкопляс. Інженери. К., 1956, стор. 82.

это слова и словосочетания, употреблённые писателем для обозначения орудий обработки земли, процессов сбора сельскохозяйственных культур, а также подневольного труда на помещика и кулака, например: «плуг», «борона», «обарки», «віз», «лопата», «носилки», «оранка», «збирання», «жнивна», «косовиця», «складання», «в'язання», «возовиця», «за дев'ятих сніп», «по карбованцю на женця» и др.

Значительно меньшее отражение нашла у А. Десняка лексика, характеризующая работу людей в промышленности. Первым делом сюда следует отнести слова и словосочетания, связанные с добычей балласта, необходимого для строительства железной дороги («кар'єр», «баласт», «вагон», «лопата» и т. п.), а также слова, имеющие некоторую связь с работой людей на паровой мельнице и водочном заводе («паровий млин», «машинний відділ», «слісар», «механік», «механічні майстерні», «топка», «горілчаний завод» и др.).

Особое место в своих произведениях, в частности в романе «Удай-ріка» и рассказах о колхозной жизни, писатель отводит производственной лексике коллективного сельского хозяйства. Умелым вплетением её в языковую ткань произведений А. Десняка правдиво отражает процесс профессионализации в сельском производстве, создаёт картины самоотверженной работы советских людей на колхозных полях, их борьбу за нормы выработки и качество труда, фиксирует технику и способы её применения в коллективном сельском хозяйстве 30-х годов, например: «агроном», «ланкова», «комбайнер», «тракторист», «конюх», «садівник», «колгосп», «трудодень», «зобов'язання», «змагання», «трактор», «комбайн», «жнивварка», «косарка», «душилльник», «молотарка» и т. п.

Среди терминологической лексики, имеющейся в произведениях А. Десняка, наиболее полно представлена военная (батальная) терминология, которая выступает в них как способ реалистического изображения военных событий, образов военных людей и картин фронтового быта. Это в частности слова и словосочетания типа «фронт», «напад», «командування», «штаб», «розвідка», «правий фланг», «залягти підковою», «щипати німців», «скубти», «лобова атака», «богунець»; авторское новообразование «богунка», а также батализмы нового и обновлённого характера типа «майор», «лейтенант», «капітан», «старший лейтенант», «танк», «яструбок» и др. В меньшей мере писатель использовал термины медицины, ботаники, физкультуры, спорта и т. п., которые тоже выполняют здесь определённую стилистическую функцию. Что касается научной лексики, то она у Дес-

няка имеет ограниченное использование. Чаще всего это слова и словосочетания, связанные с такими отраслями науки, как физика, география, химия, математика и др., напр.: «контакт», «магніт», «калейдоскоп», «масштаб», «хімічні речовини», «лабораторний аналіз», «математика» и т. п.

Как правило, производственно-терминологическая лексика у Десняка употребляется в её прямом, номинативном значении. Однако имеет место случаи, когда слова этой семантической группы могут входить в состав словосочетаний с образным значением. Это касается главным образом военной терминологии, где писатель, желая ярче передать динамику военных действий, иногда наделяет оружие чертами, свойственными не только людям, но и животным, птицам и т. п. Именно поэтому оружие у него не только стреляет, но и кашляет, охает, отвечает, кудкудахтаст, поёт, бросает и пр., напр.: «бронепоезд сухо кашлянув» (I, 239); «кашляли гвинтівочні залпи» (II, 129); «ахнула гармата» (I, 110); «бомба важко ахнула» (I, 90); «снаряди мацали кручу» (I, 239); «озвався бронепоезд» (I, 110); «закудкудакали кулемети» (I, 110); «кулі цвірінкали, виспівували, дзижчали» (I, 110) и др.

Как видно, мотивированное введение в ткань произведений писателя производственно-терминологической лексики является положительным явлением в развитии литературного языка, поскольку оно содействует обогащению языка и является способом расширения её художественно-образительных возможностей.

В четвёртом разделе первой главы рассматривается вопрос об использовании писателем бытовой лексики, в составе которой преобладают, разумеется, слова и словосочетания, связанные с изображением быта украинского народа. Мастерски используя её, А. Десняк рисует правдивые картины быта украинского народа дооктябрьского периода и нашей, советской эпохи. Особый интерес в этом плане представляет собой та группа бытовой лексики, которая отражает социалистические преобразования украинской колхозной деревни. Лексика такого характера полнее всего представлена в его романе «Удай-ріка», а также в ряде рассказов, посвящённых изображению советской действительности. Если герои романа «Десну перейшли батальйони» только лишь мечтали о том времени, когда в крестьянской хате будет гореть электрическая лампочка, говорить радио, а на столе лежать книга и свежая газета, то герои романа «Удай-ріка» видят всё это своими глазами, пользуются этими благами и принимают активное участие в их создании. Закономерными поэтому являются здесь слова и словосочетания типа «електрична лампа», «радіо».

«парадний вхід», «свіжа газета», «легкова», «вистава», «міський театр», «колбуда», «доповідь», «читальня», «шахи», «доміно», «середня школа для дорослих» и др., поскольку они правильно отражают изменения, происшедшие в составе украинской лексики в связи с изменениями в жизни и быте украинского народа.

Значительное место в бытовой лексике произведений А. Десняка, в частности в его повести «Тургайський сокіл», занимают слова и словосочетания, характеризующие жизнь и быт казахского народа. Сравнительно с произведениями П. Тычины, А. Донченко и других писателей, где лишь эпизодически встречается такая лексика, у А. Десняка она нашла очень большое и разнообразное применение, выступая здесь не только для создания соответствующего колорита, но и как способ ознакомления читателя с особенностями жизни и быта казахского народа. Она, например, может употребляться для обозначения: а) особенностей одежды и обуви: «тумак» (шляпа), «чапан» (халат), «джілек» (шаль), «куйлюк» (рубашка), «алка» (украшение на голову); б) названий пищи и посуды: «бешбармак» (пища из баранины), «кесе» (чашка), «турсук» (кожаная сумка), «кунган» (медный кувшин); в) названий жилища, ограды и т. п.: «аблайча» (походная юрта), «дувал» (забор), «кумисня» (помещение, в котором пьют кумыс); г) родственных связей: «ата» (отец), «ана» (мать), «байбіше» (старшая жена бая), «женеше» (родственница); д) формул приветствий и вежливости: «салам» (добрый день), «жакси» (хорошо), «жасасин» (да здравствует), «хш» (прощай).

Нередко писатель употребляет также слова, выступающие в повести для обозначения общественных понятий, главным образом тех, что характеризуют структуру тогдашнего общества, понятия всеенного характера и т. п.: «таксир» (господин), «аксакал» (богатый казах), «біи» (судья), «торе» (чиновник), «койші» (пастух), «кедей» (бедняк), «джетак» (батрак); «аскер» (солдат), «семсер» (длинный узкий меч), «камча» (кнут), «джигіт» (всадник) и др.

В связи с изображением военных действий и временной немецкой оккупации в отдельных произведениях А. Десняка нашли отражение некоторые слова и словосочетания с немецкого языка. Это главным образом слова типа «гельд», «швайн», «айш», «комензі», «пюрюк», «вас, вас» и др., употребляемые в языке немецких солдат и офицеров для создания определенного колорита. С подобной целью в язык персонажей-немцев вводятся также искаженные украинские слова: «польшевик», «музік» (музик), «цорт» (чорт), «діт» (ребенок) и др.

В пятом разделе первой главы делается попытка проанализировать использование писателем диалектной лексики, которая представлена в его произведениях незначительным количеством. Главным образом — это слова и словосочетания, имеющие распространение не только на территории родной писателю Черниговщины, но и наблюдаемые иногда и в других говорах украинского языка. Часть из них находится на грани с разговорно-просторечной лексикой и поэтому их можно назвать условными диалектизмами. Своё употребление, причём часто очень удачное, диалектизмы нашли не только в языке персонажей, но и в авторском повествовании, где одновременно с номинацией они выполняют и определённую стилистическую функцию: создают соответствующий колорит, способствуют реалистическому показу украинского быта и под.

Наиболее полно в произведениях А. Десняка представлены диалектизмы-существительные, употребляемые для обозначения: а) частей жилища, разных хозяйственных построек, ограды и т. п.: «квартиря», «трямок», «покуття», «ушула», «гамазея» и др.; б) названий вещей домашнего обихода, одежды, пищи: «чаплія», «карафка», «чекмінь», «рубанка», «клейстра» и др.; в) предметы домашнего употребления, материалы: «бабайки», «кіска», «глабій».

Реже в произведениях писателя употребляются глагольные диалектные формы, которые, обозначая определённое действие, могут в одном случае вносить в высказывание незначительный оттенок архаичности («скніти», «всотуватись», «зірнути» и др.). в другом — придавать контексту оттенок отрицательной окраски («лігатися», «борушкатися» и под.).

Кроме диалектизмов, свойственных северному наречию украинского языка, в некоторых произведениях А. Десняка («Хлостський кандидат», «Біль у серці» і «Віра») нашли своё отражение и элементы южнозападного наречья. Диалектизмы такого характера писатель употребляет главным образом в языке персонажей, в частности в языке западноукраинских крестьян, где наличие их обусловлено необходимостью индивидуализации языковых партий и создания местного колорита. Главное место среди таких диалектизмов занимают, конечно, лексические диалектизмы («обійстя», «підсачильно», «ваги», «уділ», «будуще», «свобідний», «вздрів», «зладнав»). Реже встречаются морфологические и синтаксические диалектизмы («пошо», «се», «болить мені в грудях», «не зарадив мені», «гадав о будущім» и др.).

Вводя в язык своих персонажей элементы южнозападного наречья, писатель ни на минуту не забывает того факта, что не

все они могут быть понятными для широкого круга читателей. что неправильное их использование может усложнить восприятие текста. Это обязывало его внимательно относиться к диалектизмам и пользоваться ими так, чтобы они создавали местный колорит и в то же время были понятными для читателей. Поставленной цели писатель чаще всего достигает при помощи так называемых лексико-синтаксических обрамлений, когда значение таких диалектизмов раскрывается непосредственно содержанием тех предложений, в составе которых они находятся. Объяснение диалектизмов при помощи примечаний или сносок у А. Десняка отсутствует. Такой способ объяснения диалектизмов, замечает проф. Б. Ларин¹, в художественной литературе непригоден; он более характерен для практики научной работы.

В шестом разделе первой главы анализируется эмоциональная лексика произведений писателя. Не касаясь слов «органически эмоциональной лексики»² типа «радість», «щастя», «любов», «чесність», «сум», «лють», «ненависть», «скнарість» и под., отметим, что доминирующее место в составе эмоциональной лексики писателя принадлежит словам с суффиксами субъективной оценки. Именно они являются способом создания соответствующей тональности авторского повествования и языка персонажей и придают произведениям народнопесенный колорит.

Среди слов, образованных при помощи суффиксов субъективной оценки, наиболее распространёнными являются, конечно, существительные: «пастишок», «пальчик», «хатка», «чоловічок», «земелька», «голівка», «клуночок», «куточок», «вісточка», «віконечко», «хатина», «бур'янина». Несколько реже эмоционально окрашенные слова встречаются среди прилагательных: «маленька», «убогенька», «худенька», «старшенька», «малесенький», «малюсінкий» и др. Что же касается наречий, то в произведениях писателя наиболее полно представлены их уменьшительно-ласкательные формы с суффиксом -еньк-, которые не только указывают на способ, время и место прохождения действия, но и придают выражению оттенок стилизации под народный язык: «швиденько», «хутенько», «раненько», «далеченько» и т. п.

К лексике, передающей положительную оценку изображаемого (часто с некоторыми особенностями словообразования), примыкает небольшое количество ласкательных обращений типа «синку», «тіточко», «дядю», а также обращения — собственные

¹ Б. Ларин, Диалектизмы в языке советских писателей, «Литературный критик», 1935, № 11, стр. 217.

² Курс сучасної української літературної мови за ред. Л. А. Булаховського, т. I, К., 1951, стор. 77.

имена «Павлусю», «Мар'яню», «Мишко», «Яринко», «Федько» и др., которые в анализируемых текстах тоже выполняют определённую стилистическую функцию.

Значительным количеством в составе анализируемой лексики произведений А. Десняка представлены слова (главным образом, существительные) с суффиксами, вносящими в них оттенок огрубления, которые употребляются писателем для того, чтобы придать изображаемому отрицательную оценку. напр.: «хлопчисько», «хитрюга», «офіцерня», «вояка», «люди» и т. п. По стилистической функции к этой лексической группе следует отнести и некоторое количество бранных слов, направленных на осуждение определённых явлений реальной действительности, напр.: «наволоч», «душопродавці», «іуди», «мерзотник», «придурбай», «супчикни», «морда» и др.

Особого внимания в составе бранной лексики заслуживают слова—названия животных и других живых существ, перенесённые на людей. Как правило, в произведениях писателя они употребляются для передачи оценки, главным образом, отрицательной, часто с оттенком пренебрежения, направленного против представителей эксплуататорских классов и вражеских элементов: «От хоче якась гадюка надіти торбу на плечі колгоспу!» (I, 399); «Офіцер їхній не людина, а звір...» (I, 161); «І та видра, Горпина, теж лихе про колгосп думала...» (I, 434); «Казахи! Керенський — шакал! Він обманює народ!» (II, 201).

Ср. ещё в аналогичной функции некоторые огрубелые и бранные обращения: «Не втчеш. **псино!** — викрикнув Лиховид і двома стрибками догнав самурая» (II, 375); «Зустрінемось ще раз, торе,— не розминемось більше. Так губернатору скажи і всім начальнам у Тургаї, собачий хвіст!..» (II, 89).

Седьмой раздел первой главы посвящен анализу глагольной синонимии, которая занимает очень важное место в словарном составе произведений А. Десняка. Эмоционально-аффективной окраски слов данной категории писатель достигает, главным образом, умелым подбором глаголов-синонимов, необходимых для передачи значения выражаемого. Ярким подтверждением мастерства писателя может быть, например, широкое и разнообразное использование глаголов синонимического гнезда «говорити-казати», где в каждом конкретном случае из ряда соотносительных писатель подбирает именно те слова, которые наиболее отвечают данному контексту и наиболее полно передают акт словесного выражения мысли и акт речи вообще, напр.: «мовити», «гуторити», «цідити», «снчати», «відрізати», «відрубати», «випалити», «грнати», «шмрити», «шамкати», «плямкати», «гугнявити».

«хрипіти», «простогнати», «видавити», «белькотати», «плескати» «торохтіти» и под. Ср. ещё метафорические обороты и лексикализованные словосочетания, которые, заменяя в контексте соответствующие слова-синонимы, могут в образной форме передавать речь того или другого персонажа: «подавав голос», «присичав голос», «шепіт ударив», «перекинутись словом», «теревені розводити» и др.

Широко представлены в произведениях писателя глагольные синонимы, используемые им для обозначения процесса движения с разными оттенками, сопровождающими основное значение. Чтобы передать разные оттенки этого процесса, А. Десняк подбирает для этого более 30 глагольных синонимов, а также метафорических оборотов и лексикализованных словосочетаний, напр. «простувати», «прямувати», «пересікти», «проштовхатися», «плентатися», «снувати», «податися», «вештатися», «шмигляти», «крутитися», «чвалати», «човгати», «тіннятися», «тягти ноги», «сунути ноги», «перебирати ногами», «підкотитись качаном», «сунути до школи», «міряти кроки» и т. п.

Сравнительно реже употребляются у А. Десняка глагольные синонимы, принадлежащие к синонимическому гнезду «двигтися-подвигтися» и фиксирующие акт зрительного восприятия картин реальной действительности: «бачити», «глянути», «озиратися», «вдивлятися», «стежити», «зорити», «глядіти», «окинути очима», «обвести поглядом», «кинути поглядом», «їсти очима», «втопити очі» и др.

Значительным количеством синонимов и описательных оборотов представлен у А. Десняка синонимический ряд к глагольной паре «бити-побити»: «пошмагати», «полосувати», «поцягти», «перехрестити», «стусонути», «оперіщити», «сипати стусани», «дати ляпаса», «нам'яти хвоста» и т. п.

Из многих других глагольных синонимических рядов можно отметить ещё такие как: «думати» — «замислитися», «помріяти», «гадати», «ламати голову», «линнути думками»; «сміятися» — «посміхатися», «усміхатися», «засміятися», «розсміятися», «реготати», «зареготати», «поіржати на кутні», «покотитися з реготу»; «плакати» — «ридати», «голосити», «ревіти»; «умерти» — «сконати», «загинути», «здохнути», «видохнути», «покласти голову», «полягти труном», «дуба дати» и др.

Наблюдения над глагольной синонимикой произведений А. Десняка свидетельствуют о том, что в подборе синонимов писатель ориентируется на разговорный язык широких народных масс, выискивая слова, способные передать всю правду и глубину народной жизни. Добросовестно и вдумчиво отобранные, та-

кие синонимы помогают автору создать художественно убедительные образы, картины быта, а также правдиво отразить язык своих персонажей.

Важной чертой глагольной синонимии анализируемых произведений является также то, что глаголы, входящие в синонимические гнезда, часто могут употребляться в сочетании с качественными наречиями, конкретизирующими определённые семантические оттенки действия, напр.: «скромно відказав» (II, 319), «тихо промовив» (II, 388), «люто просичала» (II, 88); «відрізала глухо» (I, 387); «різко відрубав» (I, 33); «сумно видавила» (I, 24); «байдуже стежила» (II, 471) и т. п.

Вторая глава работы посвящена рассмотрению фразеологии произведений А. Десняка. Глава начинается кратким обзором работ по фразеологии, среди которых особо выделяются работы акад. В. В. Виноградова, Л. А. Булаховского, С. Н. Абакумова, А. И. Ефимова, И. К. Белодеда и др. Состав и характер фразеологии анализируемых произведений очень разнообразен и определяется прежде всего их содержанием. Пользуясь разнообразными фразеологическими оборотами, писатель имеет возможность полнее раскрыть образы действующих лиц, ярче показать их жизнь и быт.

Характерно, что наряду с фразеологизмами, которые уже давно употребляются в языке народа и являются воплощением его мудрости и жизненного опыта, в произведениях А. Десняка имеют место созданные им самим или взятые из современного народно-разговорного языка меткие словосочетания, которые по своему содержанию и по форме приближаются к фразеологическим оборотам. И пусть часть из них, может быть, ещё не получила своего гражданства в языковом употреблении, все же их использование тоже характеризует творческое лицо писателя.

Среди фразеологических единиц такого типа, использованных в произведениях писателя, можно выделить такие тематические группы:

а) Фразеологизмы, имеющие общественно-политический характер и служащие способом отражения в образной форме помыслов и стремлений народных масс к свободе, их желание бороться за землю, мир и счастье: «Соболєвському можна півника пустити» (I, 42); «Де гурт — там і сила» (I, 51); «Тимчасовий уряд взяти в багнети» (I, 32) и др.

б) Обороты, имеющие связь с производственной деятельностью советских людей, в частности с их трудовой деятельностью в области сельского хозяйства: «Сила — в труді. Труд красить людину» (II, 507); «Добре посіємо, уродить добре»

(II, 342); «З агрономією живи влад — хліб завжди їстимеш» (I, 497); «Де врожай — там і радість людська» (I, 341); «Виставка — це екзамєн нашого життя» (II, 506).

в) Обороти, отражающие общественные отношения и поведение советских людей, их моральные качества: «Всі за одного, один за всіх» (II, 465); «Велика сила — увага людська» (II, 401) и др.

г) Обороти, созданные в условиях военных действий и военного быта и отражающие народную мудрость и взгляды по вопросу ведения войны, нормы поведения в бою и т. п.: «Перемагають ті, хто в діях має єдину думку» (II, 140); «Коли в серці є віра, людина незборима» (II, 236); «Сміливого догонить удача» (II, 305); «Боягуз збільшує небезпеку» (II, 302) и др.

Среди фразеологизмов «старого типа» особого внимания в произведениях А. Десняка заслуживают пословицы. Говоря об их использовании, следует отметить, что в каждом конкретном случае писатель ищет новых приёмов введения их в ткань своих произведений. Иногда они используются им в полном виде как самостоятельные предложения, несколько чаще могут подвергаться определённому видоизменению, модификации и выступают как части предложений, в отдельных случаях они выполняют роль эпиграфа к произведению или его разделу.

По силе художественного выражения мысли наиболее интересными в произведениях А. Десняка являются пословицы, имеющие поучительный характер. Это в частности такие афоризмы, как «Правди ніколи не сховаєш!» (I, 373); «Шило в мішку не утаїш» (I, 596); «Идеш на один день, бери хліба на тиждень...» (II, 277) и др.

Заметное место в анализируемых произведениях занимают также пословицы, отражающие социальное неравенство и бесправие трудового народа в дореволюционный период. Характерными в этом плане являются обороты: «Рада душа в рай, та гріхи не пускають» (I, 13); «Бідному женитися — ніч мала» (I, 107); «Казав пан, кожух дам, та й слово його тепле» (II, 270); «Індиків годували обіцянками, а воми й поздихали» (I, 78); «Обіцянка — цяцянка» (I, 73) и др.

Реже писатель использует пословицы, выступающие для создания юмора с оттенком некоторого добродушия: «Згадала баба дівера, що хороший був» (I, 201); «Не було бабі клопоту...» (I, 201) или иронии: «У кого в голові капустана розсада, тому не дасть ума й посада» (I, 568).

Большое значение придавал писатель и поговоркам, выполняющим в его произведениях разнообразные стилистические

функції: «Пронеси лиха година» (I, 129); «Чесне слово, брехнею підбите» (I, 37) і др. Поговорки, існуючі своїм джерелом казахський народний мовний, використовуються письменником для реалістичної передачі зображуваних подій і створення національного колориту казахського народу: «У змії ніг, у бая милості не побачиш» (II, 151); «Ціпок по м'ясу б'є, а слово до кісток дістає» (II, 192); «Коли штанів нема, аршини полотна сниться» (II, 292); «Камінь не має шкіри, людина не має вічності» (II, 117) і др.

Визначеного ефекту в зображенні дійсності письменник досягає також при допомозі так званих компаративних поговорок, в яких «дізнавальний елемент позначається одним словом, а семантичний центр висловлювання розкривається у більш або менш розгорнутому порівнянні...»¹: «З пережяку затремтів, як осиковий лист» (I, 388); «Життя наше, було пережне, мов дубляс в дереві» (II, 907); «Дівчина кинулась до павчання, як голосний до шматка хліба» (I, 29); «От пристала, як реп'ях до собачої шерсті» (I, 328) і др.

Для створення удачних характеристик, оцінок персонажів, їх дійсних, настроєних і переживаних А. Десняк звертається і до ідиоматических виражень. Це в частині вираження типу «язиком плеще», «нам'яти хвоста», «в'язи скрутити», «вивести на чисту воду», «розплутати вузол», «розмотати клубочок», «стояти горою» і багато інші.

З сказаного видно, що фразеологія в произведениях А. Десняка є органічним складовим елементом його мовних засобів. Удачно вплетена в мовну тканину произведения, вона надає їм художественну виразність і емоційність.

Аналіз лексико-фразеологічних засобів произведения А. Десняка показує, що письменник розумів силу художественного слова і боровся завжди за те, щоб воно було доходливим для широкого читача; впливало на нього, сприяло розширенню його кругозору і виховувало любов до рідної Отчизни. Все це — і простота вираження, і емоційна напруженість фрази, і строга мотивировка художественних засобів — дозволило письменнику створити правдиві образи людей, які не созерцают життя, а діють, думають і борються за неї. І це, здається нам, є найбільшою заслугою письменника, є тим, що дає право говорити про А. Десняка, як

¹ І. К. Білодід, Питання розвитку мови української радянської художньої прози, К., 1955, стор. 174.

о талантливом художнике и видном мастере художественного слова, язык произведений которого сыграл значительную роль в деле развития украинского литературного языка.

По диссертации опубликованы следующие статьи:

1. Функції баталізмів у творах Олекси Десняка, «Наукові записки» Нежинского государственного педагогического института имени Н. В. Гоголя, т. X, вып. I, 1957.

2. Виробничо-термінологічна лексика у творах О. Десняка, «Доповіді на науковій конференції, присвяченій підсумкам науково-дослідної роботи за 1957 рік. Тези». Нежинский государственный педагогический институт имени Н. В. Гоголя, секция филологических наук.

3. Фразеологічні вирази у творах Олекси Десняка, журн. «Українська мова в школі», 1958, № 2.

4. Лексико-фразеологічні засоби творів Олекси Десняка, «Наукові записки» Нежинского государственного педагогического института имени Н. В. Гоголя, т. VI, вып. I, 1958 г.

5. Роль діалектизмів у творах Олекси Десняка, «Доповіді та повідомлення на науковій конференції, присвяченій підсумкам науково-дослідної роботи за 1959 рік. Тези». Нежинский государственный педагогический институт имени Н. В. Гоголя.

6. Дієслівна синоніміка творів Олекси Десняка, «Наукові записки» Нежинского государственного педагогического института имени Н. В. Гоголя, т. XI, вып. I, 1960 г.

7. Олекса Десняк (брошюра, 46 стр.), Общество по распространению политических и научных знаний УССР, К., 1961 г.

БФ 05530. Подписано к печати 15/III 1962 г. Формат бумаги 60×84.
Печ. лист. 1,25. Заказ 197. Тираж 150.

Типография при Киевском государственном педагогическом институте
им. Горького, Франко, 44.